

Проблемы логики и методологии науки

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА Д. ДЭВИДСОНА В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ*

В.А. Ладов

Следует ли семантическую концепцию Д. Дэвидсона расценивать как проявление реализма в онтологии? Автор статьи систематизирует аргументы, которые использовались современными аналитическими философами, чтобы дать положительный ответ на поставленный вопрос, а затем критикует их. Итогом исследования становится вывод о том, что философия языка Дэвидсона представляет собой один из вариантов построения антиреалистской онтологической программы.

Ключевые слова: язык, онтология, семантика

Исследования Д. Дэвидсона в контексте онтологической оппозиции реализм – антиреализм

В споре реализма и антиреализма в аналитической философии фигура Д. Дэвидсона занимает особое место. Во-первых, четко просматривается тенденция перехода от реалистских позиций в онтологии в ранний период развития аналитической традиции к антиреалистским концепциям в поздний период. Поэтому семантическая концепция Дэвидсона как одного из наиболее авторитетных философов-аналитиков последних десятилетий может либо стать убедитель-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 09-03-00210-а), Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 08-06-00022-а), Совета по грантам Президента РФ (НШ – 5887.2008.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в составе Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.1., проект «Онтология в современной философии языка», 2009-1.1-303-074-018).

тельным подтверждением этой тенденции, окончательным обвинительным приговором, вынесенным реализму, либо быть расценена как неожиданный сбой в антиреалистской программе, что с удовлетворением отметили бы реалисты. Во-вторых, интригу закручивает сам Дэвидсон, ибо его концепция оказывается амбивалентной, содержащей в себе такие элементы, которые могли бы быть использованы каждой из противоборствующих сторон в свою пользу. Наша задача в данной статье состоит в том, чтобы прояснить, на основании каких составляющих дэвидсоновской философии языка ее можно было бы трактовать как проявление реалистских взглядов, и затем критически проанализировать эти реалистские интерпретации.

Реалистская трактовка теории истины А. Тарского

Первым из таких элементов дэвидсоновской философии, которые имеют реалистскую окраску, является теория истины А. Тарского. Известно, что Дэвидсон трансформирует теорию значения языкового выражения в теорию интерпретации, которую он, в свою очередь, рассматривает как теорию понимания идиолекта собеседника [1]. Для этого Дэвидсон предлагает воспользоваться теорией истины Тарского [2] и идеей о построении так называемых *T*-предложений. *T*-предложение представляет собой сложное высказывание, состоящее из двух простых, соединенных между собой логическим союзом тождества. Левая часть этого сложного высказывания содержит в качестве объектного языка интерпретируемое простое высказывание, а правая часть в качестве метаязыка содержит саму интерпретацию в родном для интерпретатора идиолекте.

Так, по отношению к своему собственному идиолекту я могу высказать следующее *T*-предложение: ««Снег белый» истинно тогда и только тогда, когда снег белый». С точки зрения здравого смысла это подразумевает то, что мое высказывание «снег белый» истинно только тогда, когда существует такой факт мира, который я обозначаю словами «снег белый». Если же другой носитель языка произносит суждение «снег голубой», то я, пытаясь задать интерпретацию его речи, должен исследовать другие его выражения, выстраивая сеть *T*-предложений.

Например, я замечаю, что носитель интерпретируемого языка произносит «снег голубой» и «лист бумаги голубой». Тогда я, срав-

нивая вхождения таких выражений, как «снег» и «лист бумаги», в предложения в его идиолекте с их вхождением в предложения в моем идиолекте, продуцирую *T*-предложение соответствующего вида: ««Снег голубой» истинно тогда и только тогда, когда снег белый», где в левой части *T*-предложения помещено в качестве объектного языка предложение интерпретируемого идиолекта, а в правой части в качестве метаязыка помещено предложение моего собственного интерпретирующего идиолекта.

Чаще всего *T*-предложения Тарского трактовались как выражение корреспондентного понимания истины. И это не случайно ввиду того, что такое понимание интуитивно оказывается наиболее очевидным, приближенным, как мы это уже указали, к здравому смыслу. Высказывание «снег белый» истинно тогда и только тогда, когда в экстралингвистической реальности действительно существует именно то, что я утверждаю, произнося «снег белый».

Корреспондентное понимание истины, в свою очередь, является фундаментальным основанием реалистской онтоэпистемологической позиции: существует объективный мир, и наши высказывания об этом мире истинны тогда и только тогда, когда их содержание в точности отражает событие, которое имеет место в объективном мире.

Поскольку Дэвидсон выстраивает свою теорию интерпретации на основании теории истины Тарского, а теория Тарского при этом понимается как корреспондентная теория реалистского толка, постольку появляется основание трактовать философию языка Дэвидсона как проявление реализма. И такой ход мысли можно заметить у современных аналитических философов. Например, П. Энгел пишет по этому поводу следующее: «...Даже если теория истины Тарского не дает какой-либо определенной дефиниции понятию истины, она, тем не менее ориентируется на реалистское интуитивное осмысление этого понятия, в соответствии с которым если высказывание истинно, то в мире есть что-то, что делает его истинным. Отсюда следует, что если, подобно Дэвидсону, признавать, что теория значения для естественного языка должна принимать форму теории истины, то данная теория так или иначе должна включать в себя это реалистское представление» [3].

Не стоит забывать и М. Даммита, который посвятил противостоянию реализма и антиреализма немало времени и сил [4]. Даммит рассматривает Дэвидсона как реалиста на том основании, что тот понимает значение высказывания исходя из условий его истин-

ности. Условия истинности при этом Даммитом интерпретируются как реалистские условия именно потому, что само понятие истины истолковывается в корреспондентном смысле. Знать значение – значит определенно знать о том факте, существование которого в объективном мире делает это предложение истинным.

Поскольку сам Даммит исходит из положений интуиционистской философии математики, утверждающей об ограниченности человеческой формы рациональности и принимающей в качестве математических фактов только конструктивно построенные (доказанные) положения в практике математического исследования, постольку в эпистемологии и теории значения он стремится заменить условия истинности на условия утверждаемости, верифицируемости высказывания. Имеется множество высказываний (в первую очередь в математике), познание условий истинности которых во всей полноте, с позиции интуиционистов, недоступно для человеческого разума. Например, функция сложения, с точки зрения интуиционизма, никогда не определяется целиком для всего натурального ряда. Она определяется только для конструктивно построенных в процессе актуальной математической практики элементов. У высказывания «Чтобы сложить два любых натуральных числа A и B , нужно сделать движение по числовой прямой в правую сторону от точки A на B шагов с частотой шага 1» существуют не условия истинности, а лишь условия верифицируемости в актуальном опыте вычислений. Мы последовательно подтверждаем корректность данного высказывания, считают интуиционисты, раз за разом осуществляя конкретные арифметические действия. Но мы не можем гарантировать истинности этого высказывания в общем виде, поскольку весь натуральный ряд не обзревается нами целиком и не может быть представлен в познании.

Противопоставляя познанию условий истинности познание условий верифицируемости высказываний, Даммит трактует свою позицию как антиреалистскую в противовес дэвидсоновскому реализму.

Реалистская трактовка принципа доверия

Вторым важным элементом теории Дэвидсона, провоцирующим современных интерпретаторов на то, чтобы видеть в этом философе реалиста, является так называемый «the Principle of Charity».

Английское «charity» в данном случае не так легко перевести на русский язык. «Доверие», «милосердие», «великодушие» – вокруг таких коннотаций строится употребление этого слова в разговорном английском. Однако в теории Дэвидсона данный термин используется, конечно же, не в этическом, а в чисто эпистемологическом контексте. Имеются в виду своего рода интеллектуальное милосердие, признание за моим собеседником достаточной степени разумности, рациональности, чтобы он мог, во-первых, фиксировать факты и события окружающего мира и, во-вторых, выстраивать на этой основе осмысленную и последовательную речь. Поскольку русский термин «милосердие» имеет все же ярко выраженную этическую окраску, постольку мы будем использовать этически более нейтральный термин «доверие», который позволит сосредоточиться именно на эпистемологической проблеме.

Впервые о принципе доверия в аналитической традиции заговорил Н. Уильсон в работе «Субстанция без субстрата» [5]. Немного позднее эту идею развил гораздо более именитый философ – У. Куайн. И именно с его подачи принцип доверия стал широко обсуждаемым при рассмотрении проблемы радикального перевода. Куайн утверждал, что мы могли бы идентифицировать и перевести условиеистинности операторы исключительно на основе поведенческой очевидности. Если слово туземца, например «блуп», таково, что в случае любого предложения p , с которым туземец соглашается, он будет не соглашаться с «блуп- p », то мы можем перевести его «блуп» как наше «не». И если имеется другое слово туземца – «блип, такое что он будет соглашаться с « p блип q » если и только если он соглашается с p и с q , то мы можем перевести его «блип» нашим «и».

На это можно было бы возразить следующее. Предположим, мы думаем, что корректно идентифицировали «и» и «не» туземца. Мы задаем ему вопрос « p блип блуп- p ?», – ожидая от него, что он не согласится с этим. К нашему удивлению, он дает ответ «да». Это значит, что данный фрагмент поведенческой очевидности может быть адаптирован посредством различных теорий. Мы можем сказать, что либо мы неверно перевели слова туземца «блип» и «блуп», либо мы корректно их перевели, но туземец имеет совершенно отличные от наших убеждения относительно природы конъюнкции и негации и, например, не считается с законом недопущения противоречия, который говорит, что предложение и его отрицание не могут быть вместе истинны.

Если ориентироваться только на наш собственный концептуальный каркас, то мы просто могли бы указать на тот факт, что противоречиво принимать и предложение, и его отрицание и что никто не мог бы сделать это так открыто и осознанно, как делает, как нам кажется, туземец. С другой стороны, если ориентироваться на плюрализм концептуальных каркасов, то можно было бы сказать, что туземец руководствуется убеждениями, полностью отличными от наших, не только на уровне фиксации эмпирических фактов, но и на уровне фиксации логических основ рациональной деятельности, например на уровне интерпретации конъюнкции и отрицания.

И вот здесь, в этом пункте рассуждения, Куайн останавливает развитие своей идеи плюрализма концептуальных каркасов и призывает на помощь принцип доверия, чтобы зафиксировать фундаментальный статус логических законов для рациональной деятельности вообще. Принцип доверия в куайновской интерпретации гласит: «Слабоумие собеседника сверх определенной меры менее вероятно, чем плохой перевод» [6]. Это означает, что мы должны доверять тому, что туземец по крайней мере мыслит непротиворечиво, что он способен фиксировать логические основания рассуждения так, чтобы не допускать противоречащих друг другу суждений. На этом уровне мы должны предположить, что скорее всего он видит мир так же, как и мы, только говорит о нем иначе. Мы скорее всего должны допустить, что неправильно интерпретируем термины языка туземца, нежели предполагать его неразумность на столь фундаментальном уровне. Для любого же менее формального уровня, который относится к какому угодно эмпирическому познанию, принцип доверия уже излишний. Нам не нужно допускать, что мы видим один и тот же мир. В соответствии с идеей плюрализма концептуальных каркасов, наоборот, вполне оправданно предполагать, что никакого единого, объективного мира, данного в опыте, нет. Таким образом, Куайн распространял принцип доверия только на уровень интерпретации логических связей, задающих формально-логический каркас речи и рассуждения.

Дэвидсон снимает какие-либо ограничения на применение принципа доверия и практикует его безусловное употребление в своей теории интерпретации. По Дэвидсону, понять чужую речь в принципе можно только на основе допущения, что говорящие указывают на одни и те же объекты, факты, события. Мой собеседник видит вещи такими, какие они есть, различие между нами заключается только в том, что мы именуем эти вещи по-разному. Осуществляя интерпретацию, я должен

доверять познавательным способностям моего собеседника как рационального существа, я должен признавать его себе подобным, признавать то, что он видит мир правильно, так же, как и я. Только на этой основе возможно продуцирование системы *T*-предложений, задающих интерпретацию. Если я строю *T*-предложение ««Снег голубой» тогда и только тогда, когда снег белый», в левой части которого находится высказывание интерпретируемого идиолекта, а в правой – высказывание моего собственного идиолекта, то я могу гарантировать, что понимаю собеседника, только на том основании, что он в экстралингвистической реальности видит сами вещи, как и я, видит то же, что и я. Сам снег и не голубой, и не белый. Он становится голубым или белым только в речи, сама вещь мира нема, и к этой немой реальности и обращаемся мы как познающие.

Очевидно, что принцип доверия, как и теория истины Тарского, провоцирует на принятие реалистской онтологии и эпистемологии, постулирующей существование объективной, экстралингвистической реальности и возможности ее адекватного познания. Такие тезисы устраняют какие-либо формы эпистемологического скептицизма и релятивизма, характерные для антиреалистских воззрений. Поэтому когда, например, С. Ивнайн, один из современных интерпретаторов дэвидсоновской философии, называет принцип доверия «антискептическим принципом» [7], можно заключить, что он трактует Дэвидсона как реалиста.

Теория истины А. Тарского как дефляционная теория

Однако все эти достаточно весомые доводы в пользу того, чтобы расценивать семантическую теорию Дэвидсона как проявление онтологического реализма, начинают терять свою убедительность, если мы поставим под сомнение однозначность интерпретации тех оснований, на которых они выстроены.

Так, немалое число логиков и эпистемологов отказываются трактовать теорию Тарского как основанную на принципах корреспондентного понимания истины. Дефляционизм, или теория избыточности (англ. «redundancy»), – новая теория истины, которую нередко уже ставят в один ряд с тремя наиболее известными теориями: корреспондентной, когерентной и прагматической [8], – вообще отказывает истине в каком-либо определении. Дефляционисты не

соглашаются сводить это понятие к каким-то другим, прояснять его смысл через другие эпистемологические процессы, как это делала корреспондентная теория, проясняя истину через соответствие высказывания реальности, когерентная теория – через согласованность высказываний между собой в рамках определенной системы знаний, прагматическая теория – через полезность высказываний для практической жизни человека. В дефляционизме понятие истины с онтологической и эпистемологической точек зрения считается излишним. Его единственное предназначение оказывается исключительно лингвистическим, ограниченным пределами языка. Данное понятие просто осуществляет связь объектного языка и метаязыка, позволяя выстраивать общую иерархию метаязыков.

Именно так, к примеру, в работе «Истина и объективность» теорию истины Тарского трактует К. Райт [9], сетуя на ее эпистемологическую нищету. Зато Р. Рорти, ярый противник корреспондентной трактовки истины, воспринимает это заключение Райта с удовлетворением: «С точки зрения Райта, проблема дефляционизма состоит не в том, что он не может рассказать нам, как выработать теорию истины для данного естественного языка, но что он даже не упоминает о вашем почтении к достижению истины» [10].

В самом деле, теория Тарского вполне может быть истолкована в дефляционном смысле. При продуцировании *T*-предложения ««Снег белый» тогда и только тогда, когда снег белый» Тарский не предлагает нам допытываться, что это такое – белый снег, не предлагает обсуждать, как в нашем познании достигается постижение объективного положения дел, не предлагает даже просто постулировать то, что это постижение происходит, как это можно сделать с позиции формального реализма [11], – он переносит разговор об истине в сугубо лингвистическое русло. Тарский говорит, что этот термин используется при согласовании языков: объектного и метаязыка. В правой части *T*-предложения находится не какая-то онтологическая сущность сама по себе, а точно такое же чисто лингвистическое образование, как и в левой его части, только на ином уровне данности в опыте освоения языка. При этом референция метаязыка вообще не обсуждается. Исходя из теории Тарского мы не должны задавать вопрос: «Что это такое – белый снег?». Мы можем заключить лишь то, что если мы считаем, что снег белый, то говоря «снег белый», мы говорим истину. В лучшем случае здесь имеется соответствие между нашим убеждением, выраженным в лингвистической форме метаязыка, и объектным языком, причем содержание самого убеждения как некото-

рой ментальной сущности тоже не обсуждается. Рассматривается лишь его именование в метаязыке. И уж тем более, речь в *T*-предложении не идет о соответствии языка и реальности самой по себе.

Если принять, что условия истинности могут быть истолкованы не корреспондентным, а дефляционным образом, т.е. не как познание факта, существование которого делает предложение истинным, а лишь как познание лингвистической связи объектного языка и метаязыка, которая обеспечивает истинность высказывания объектного языка, то и аргументация Даммита, противопоставляющего условиям истинности условия верифицируемости и на этой основе выстраивающего оппозицию реализма и антиреализма, теряет свою точку опоры.

Дефляционная теория истины является деструктивной теорией в том смысле, что она лишь разрушает привычные представления об истине, не заменяя их новыми. В этом ее задача – показать, что понятие истины пусто, что за ним не кроется никаких онтологических и эпистемологических импликаций. Дефляционизм не предполагает поддерживать ни реализм, ни антиреализм в онтологии. Дефляционизм вырабатывает лишь специфическую логико-лингвистическую процедуру, в рамках которой утверждается, что прояснить функционирование языка можно чисто технически, без обращения к философским вопросам онтологического и эпистемологического характера.

Исходя из вышесказанного становится понятным, что и в отношении семантической теории Дэвидсона на таком основании может быть выдвинут только негативный тезис. Если Дэвидсон использовал теорию истины Тарского как основу для своей теории значения естественного языка и если теория Тарского не подразумевает корреспондентной интерпретации истины и не ведет к реализму, то и теорию Дэвидсона нельзя расценивать как проявление реализма в онтологии. Мы не должны говорить на этом уровне, что Дэвидсон поддерживает антиреализм, мы должны лишь заключить, что реалистских онтологических следствий из его семантической концепции вывести невозможно.

Чему на самом деле предполагает доверять принцип доверия

Еще раз обратимся к ситуации интерпретации речи и проведем более детальный анализ. Допустим, волею случая два человека – *A* и *B* оказались на открытой местности посреди грозового фронта. Если при

этом *A* решит высказать суждение, в котором бы констатировалась возникшая вокруг него ситуация, то, в соответствии с теорией интерпретации Дэвидсона, здесь будут существовать следующие возможные вариации. *A* говорит: «Идет дождь» – и имеет при этом убеждение, что идет дождь; *A* говорит: «Светит солнце» (или высказывает любое другое девиантное суждение) – и имеет при этом убеждение, что идет дождь; *A* говорит: «Идет дождь» – и имеет при этом убеждение, что светит солнце (или любое другое девиантное убеждение); *A* говорит: «Светит солнце» – и имеет при этом убеждение, что светит солнце. По Дэвидсону, *B* сможет попытаться проинтерпретировать речь *A* только на основе допущения, что они оба имеют схожие убеждения о вещах и событиях, происходящих вокруг них. Если даже *A*, находясь посреди грозового фронта, произносит: «Светит солнце», – но имеет при этом такое же убеждение, что и *B*, а именно, что идет дождь, то *B* может попытаться понять собеседника, предполагая, что *A* просто использует слишком нестандартную, идиолектическую манеру речи. Для этого *B* будет выстраивать систему *T*-предложений, среди которых окажется следующее: «“Светит солнце истинно” тогда и только тогда, когда идет дождь», – где в левой части будет высказывание на языке *A*, а в правой – описание той же ситуации на языке *B*. Если же допустить, что *A*, находясь посреди грозового фронта и произнося; «Светит солнце», – действительно убежден в том, что светит солнце, то интерпретация становится в принципе невозможной. Если очевидности опыта *A* настолько расходятся с очевидностями опыта *B*, то у *B* не будет никаких возможностей, никаких зацепок для построения системы *T*-предложений. *A*, продуцируя высказывания, может быть убежден вообще в чем угодно, и выяснить это будет невозможно. Например, произнося: «Светит солнце», – он может быть убежден в том, что находится в полной темноте на Северном полюсе посреди полярной ночи и т.д.

Принцип доверия постулирует согласие в базовых очевидностях опыта. *B* доверяет *A*, что *A* видит тот же мир, что и *B*. Различие между ними заключается только в том, что они говорят об этом мире по-разному. Основой лингвистического понимания непременно должна выступать тождественная экстралингвистическая реальность, иначе интерпретация речи собеседника неосуществима.

Такие тезисы снова и снова, казалось бы, должны убеждать нас в реалистских тенденциях дэвидсоновской философии. Тем не менее здесь есть важнейший нюанс, который переворачивает ситуацию с точностью до наоборот. Этот нюанс дает о себе знать, если

мы поставим вопрос следующим образом: для успешной интерпретации *B* нужно, чтобы *A* видел мир правильно, т.е. таким, каков он есть, или же только то, чтобы *A* видел мир таким, каким его видит *B*? Предположим последнее. Находясь посреди грозового фронта, *B* и *A* имеют схожие убеждения, что идет дождь. При этом если даже *A* произносит: «Светит солнце», – то *B*, во-первых, сможет понять речь собеседника и, во-вторых, что самое главное, ему не нужно при этом быть уверенным в том, что *A* адекватно воспринимает экстралингвистическую реальность, ему нужно лишь допускать, что *A* воспринимает ее точно так же, как и он сам. По сути, в соответствии с мыслью Дэвидсона, мы можем предположить даже то, что *A* и *B* находятся посреди грозового фронта, но оба имеют убеждения, что светит солнце, и в таком случае, если они эти убеждения будут выражать с помощью различных языковых конструкций, между ними возможно достижение взаимопонимания, несмотря на то что их убеждения никакого отношения к объективной реальности не имеют вообще. Отсюда становится ясным, что Дэвидсон, для того чтобы его теория интерпретации работала, требует лишь единообразия в убеждениях, единой когерентной системы взглядов, подобия в восприятии реальности, а вовсе не допущения адекватного постижения самой реальности.

Если на основе дефляционистской трактовки теории истины Тарского мы сделали негативный вывод, что Дэвидсона по крайней мере не стоит расценивать как реалиста, то анализ эвристических возможностей принципа доверия для теории интерпретации только усугубил ситуацию. Теперь у нас есть достаточные основания, чтобы выдвинуть позитивный тезис и охарактеризовать исследования Дэвидсона как развитие конвенционалистской семантики, которой на уровне онтологии и эпистемологии соответствует концепция когерентизма, являющаяся, в свою очередь, одной из наиболее распространенных форм антиреализма в современной философии.

Такой вывод будут поддерживать и приветствовать антиреалисты: «...Когда мы принимаем во внимание, что Дэвидсон не имеет дело с идеей, что истина состоит в нашей точной репрезентации реальности, мы понимаем, что он не говорит о том, что наш разум, благодаря изобретательности, полученной от Бога или в ходе эволюции, хорошо соответствует задаче представления реальности какова она есть. Дэвидсон может вполне согласиться с Гудменом, Патнэмом и Куном, что нет такой задачи, поскольку нет Способа, Каким Мир Существует. Он скорее гово-

рит, что большинство убеждений кого бы то ни было должны совпадать с большинством *наших* убеждений (поскольку для того чтобы приписать убеждения, в первую очередь мы должны призвать на помощь принцип доверия)...» [12].

Реалистам не остается ничего другого, как с сожалением признать, что исследования одного из наиболее ярких и оригинальных мыслителей последних десятилетий только подтверждают общую тенденцию перехода поздней аналитической философии на позиции антиреалистских онтологических программ.

Примечания

1. См.: Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. – М., 2003.
2. См.: Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. – М., 1998. – С. 90–129.
3. Engel P. The norm of truth: An introduction to the philosophy of logic. – Toronto, 1991. – P. 128–128.
4. См.: Dummett M. Realism and Anti-Realism // Dummett M. The Seas of Language. – Oxford, 1996. – P. 462–478.
5. См.: Wilson N. Substance without substrata // Review of Metaphysics. – 1959. – V. 12. – P. 521–539.
6. Quine W.V.O. World and Object. – Cambridge, Mass., 1960. – P. 59.
7. См.: Evnine S. Donald Davidson. – Stamford, 1991. – P. 108.
8. См.: Blackburn S. Spreading the word: groundings in the philosophy of language. – Oxford, 1984.
9. См.: Wright C. Truth and Objectivity. – Harvard, 1992.
10. Rorty R. Is truth a goal of inquiry?: Davidson vs. Wright // The Philosophical Quarterly. – 1995. – V. 45, No. 180. – P. 288.
11. См.: Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 11–23.
12. Rorty R. Is truth a goal of inquiry?... – P. 285–286.

Томский государственный университет,
г. Томск
e-mail: ladov@yandex.ru

Ladov, V.A. D. Davidson's philosophy of language in the context of ontological problems

Should we treat D. Davidson's semantic conception as the development of realism in ontology? To answer this question, the author classifies the arguments used by modern analytic philosophers and then criticizes them. As a result, the conclusion is made that D. Davidson's philosophy of language is a version of construction of the anti-realist ontological program.

Keywords: logics, philosophy of language, ontology, semantics